

Если бы Ян Нанкэ был еще жив, в том году ему исполнилось бы двадцать семь лет.

Три года назад он жил в небольшом городе недалеко от границы — Лу, который находился на большом расстоянии от Луочэна. Он учился в третьесортном колледже в столице своей провинции, а после окончания учебы вернулся в город Лу. Там он нашел работу по душе и решил купить квартиру в самом центре города. Его родители, Ян Цзюньчэн и Хуан Ся, заплатили за него первый взнос, а его сестра Ян Янь, старше на пять лет, помогла с ипотекой.

С финансовой помощью семьи Ян Нанкэ вел легкую жизнь. К двадцати четырем годам у него уже было несколько друзей, хотя эти отношения никогда не длились долго. Всякий раз, когда он навещал родителей, Хуан Ся бесконечно пилила его из-за этого.

Семья Ян не отличалась особым богатством, но Хуан Ся и Ян Цзюньчэн имели постоянную работу, и их доход в городе Лу считался выше среднего. Ян Нанкэ, как самый младший в семье, рос избалованным и испорченным. Он так и не научился терпеть ругань, и всякий раз, когда его ругали, он выходил из себя.

После расставания с очередной подружкой Ян Нанкэ сильно поссорился со своей матерью Хуан Ся за обедом. В конце концов, он бросил палочки для еды и выбежал, крича через плечо:

— Отстань от меня!

Хуан Ся тоже пришла в ярость. Янь Цзюньчэн и Янь Янь безуспешно пытались ее успокоить.

В конце концов Ян Янь предложила провести некоторое время отдельно от младшего брата. У него была работа, постоянный доход и крыша над головой. Он не мог замерзнуть или голодать, поэтому даже если он проведет некоторое время в одиночестве, все будет в порядке. В конце концов, он остынет и снова навестит их дом.

Через полмесяца Хуан Ся начала скучать по сыну. Но когда она позвонила ему, ей сообщили, что его телефон отключен. Вместе с Ян Цзюньчэном она сразу же поспешила через весь город. Взяв запасной ключ, они вошли в дом Ян Нанкэ, но обнаружили, что вся мебель обернута чехлами против пыли.

Казалось, что здесь уже давно никто не жил.

Хуан Ся сразу же запаниковала. Они с мужем отправились на работу Ян Нанке, чтобы спросить о нем, но получили в ответ только совершенно изумленный взгляд менеджера, который сказал им: — Ян Нанке уволился десять дней назад. Он сказал, что хочет поехать посмотреть достопримечательности, которых никогда раньше не видел.

Менеджер вздохнул и продолжил:

— Он сформулировал все красиво, но очевидно, что он просто уволился, чтобы отправиться путешествовать. В наше время у молодых людей нет чувства ответственности. Вы не знали об этом?

Услышав это, Ян Цзюньчэн почувствовал облегчение. Он мог чувствовать себя спокойно, зная, что его сын просто путешествовал, и что с ним не случилось ничего плохого. Но Хуан Ся не успокоилась.

— Это все моя вина, я не должна была драться с Нанкэ, — сказала она, дрожа от страха и со слезами на глазах. — Должно быть, он почувствовал себя подавленным после спора со мной. Вот почему он отправился в путешествие! Он там совсем один. Что, если с ним что-то случится в дороге?

Ян Цзюньчэн успокоил ее, как мог, и убедил, что им пока нужно идти домой. Никто из них тогда и не подумал обратиться в полицию. Только через месяц, когда им так и не удалось связаться с Ян Нанкэ, они в сопровождении Ян Янь отправились в местное отделение полиции, чтобы написать заявление.

По правде говоря, Ян Нанкэ, добровольно прервавший связь со своей семьей, чтобы отправиться в путешествие, не был тем, кого обычно возьмется искать полиция. Но в таком маленьком городе, как Лу, все относились к своей работе очень серьезно.

При содействии семьи Ян полиция начала расследование. Они подтвердили, что Ян Нанкэ уволился с работы некоторое время назад, и выяснили, что он уехал из города автостопом. Последним местом, где Ян Нанкэ мог появиться, была небольшая деревня в девятистах километрах от города Лу.

Семья Ян умоляла полицию продолжить поиски, но в таких случаях продолжение поисков, скорее всего, было не более чем пустой тратой полицейских ресурсов. В конце концов, полиция взяла образец ДНК из дома Яна Нанкэ и внесла его в национальную базу данных пропавших без вести.

Именно эта ДНК совпала с кровью, найденной в подвале Хоу Чэна.

В заявлении о пропаже человека была и фотография Яна Нанкэ. Это был молодой, светлокожий и хрупкий мужчина.

Сяо Юань переслал фотографию Минг Шу, который все еще находился в деревне Цинюэ. Минг Шу разыскал Хоу Симэй и Ван Юйцань.

Обе женщины кивнули и подтвердили:

— Это он! Именно его я видела тогда.

После того как Сяо Юань сказал, что его поля подверглись тщательному обыску, настроение Хоу Чэна становилось все более неустойчивым.

Несмотря на то, что ему предъявили железные доказательства, он отказывался признать себя виновным в убийстве Ян Нанькэ.

— Какое право вы имеете обвинять меня в убийстве? Неужели эта маленькая капля крови — все, что у вас есть? Сяо Лонг... — Так Хоу Чэн называл Ян Нанке. Скорее всего, это было вымышленное имя, которое Ян Нанкэ дал себе, путешествуя автостопом по стране. — Помогал мне убираться в подвале, когда гостил у меня. Он поцарапался, у него пошла кровь, и этого достаточно, чтобы вы решили, что я его убил? Пойди и поспрашивай в Цинюэ, ты обязательно найдешь людей, которые видели, как он уходил из моего дома! Я никого не убивал!

Согласно показаниям Хоу Симэй, она действительно видела, как Ян Нанкэ однажды утром покинул дом Хоу Чэна.

Но этого было недостаточно, чтобы доказать невиновность Хоу Чэна.

Хоу Чэн легко мог специально подстроить, чтобы уход Ян Нанкэ увидели другие жители деревни. После того как Ян Нанкэ был замечен уходящим, Хоу Чэн мог тайком выбраться из деревни и перехватить его где-нибудь, придумав какой-нибудь предлог, чтобы вернуть его в дом.

Поскольку дом Хоу Чэна находился далеко на отшибе деревни, ему не составило бы труда незаметно отвести Ян Нанкэ обратно, особенно если тот оставался под надежным прикрытием на заднем сиденье его педикэба.

Сяо Юань долго наблюдал за Хоу Чэном, прежде чем резко сменить тему.

— Ладно, давай пока не будем говорить о Ян Нанкэ. Давай поговорим о твоих родителях.

Лицо Хоу Чэна исказилось в уродливой, безумной гримасе.

— Вы не имеете права нарушать их покой!

— А какое право ты имеешь переносить их тела на свое поле? — спросил Сяо Юань. — Старые захоронения на холмах охраняются правительством, но это не дает тебе права перезахоронить своих родителей из этих охраняемых могил на своих полях.

Хоу Чэн выдохнул, как ревуший бык.

— Это мои родители, я могу похоронить их где захочу! Холм, где они были похоронены, был

слишком далеко от меня, я не мог их почувствовать! Разве это не прекрасно, почтить их на моем поле? Когда они будут рядом, я смогу видеть их каждый день, когда иду на работу, а они смогут видеть меня и благословлять мои поля обильным урожаем!

— Я никогда не видел такого сыновнего почитания, как у тебя, — заметил Сяо Юань.

Эти слова явно задели нервы Хоу Чэна. Его глаза вспыхнули, и он взорвался:

— Конечно! Я люблю своих родителей. Я всегда чувствовал, что они со мной. Я не женился, у меня нет своих детей. Я проводил каждый день, заботясь о своих родителях. Конечно, я самый сыновний сын в этом мире!.

Здесь был человек, который считал себя самым сыновним сыном в мире.

И был сын, который бросил деревенского старосту, своего отца.

Между Хоу Чэном и Хоу Цзяном начал вырисовываться невероятный, но рациональный мотив убийства. Хотя он и был надуманным, но вполне соответствовал логике и образу мышления Хоу Чэна.

Сяо Юань уже ухватился за эту мысль. Он спросил:

— Тогда ты считаешь, что люди, не имеющие чувства сыновней почтительности, заслуживают смерти?

Хоу Чэн, погрязший в собственном извращенном чувстве гордости, смело заявил:

— Конечно! Неуважение к родителям — самый тяжкий грех из всех! Неверные дети должны не только умереть, но и быть зарубленными и разорванными на куски!

Сердце Сяо Юаня сжалось.

Хоу Цзян, возможно, уже был убит за то, что был непорядочным сыном, и вполне возможно, что Ян Нанкэ был убит по той же причине.

Некоторые люди заслуживают смерти.

В своих книгах Погребенное Сердце не просто отстаивал философию "охоты на зло". Он уже давно взял в руки клинок палача и начал "охотиться на зло" в реальности.

— Я никого не убивал, — повторил Хоу Чэн, постепенно успокаиваясь. — Сяо Лонг просто жил

у меня дома несколько дней. Я даже не знал его настоящего имени!

Сяо Юань покачал головой.

— Ты хочешь, что бы мы нашли кости Янь Нанькэ, прежде чем признаешься?

Хоу Чэн уставился на Сяо Юаня открытыми глазами размером с блюдца. Эти дикие глаза были наполнены одновременно высокомерием и ужасом.

— Расследование зашло так далеко. Все твои похороненные секреты я и моя команда раскрываем прямо сейчас, один за другим. — Сяо Юань встал. Его голос был холодным и величественным. — Мы можем найти крошечную каплю крови Ян Нанкэ. Ты действительно веришь, что мы не найдем его останки?

Хоу Чэн вздрогнул, его плечи опустились, как будто его только что осенила ужасная возможность. Страх в его глазах победил высокомерие.

— Ты...

— Ты пропагандируешь "охоту на зло" в своих книгах, но до того, как твои книги были написаны, ты взял на себя ответственность "охотиться на зло" в реальной жизни. — Сяо Юань сделал паузу, прежде чем продолжить: — Ты не только убил Ян Нанкэ, ты черпал вдохновение в этом убийстве.

Глаза Хоу Чэна раскрылись еще шире, практически выйдя за пределы своих физических ограничений.

— Вот почему описания убийств в твоих книгах такие яркие, такие... провокационные, — сделал вывод Сяо Юань. Он посмотрел вниз на Хоу Чэна под ярким светом комнаты, глядя на него тяжелым взглядом. — Когда я читал твою первую книгу, мне пришлось остановиться и задуматься, почему твой главный герой похоронил одну из своих жертв на общественном кладбище. Какое кладбище не заметило бы, что посторонний человек похоронил тело на их территории? Не будет ли это место слишком легко обнаружить полиции? Но теперь я понимаю. Ты просто опирался на собственный опыт и писал то, что сделал сам.

Лицо Хоу Чэна побледнело. Его морщины непрерывно дрожали.

— Более десяти лет назад, — продолжал Сяо Юань, — ты выкопал своих родителей и похоронил их на своем арбузном поле. Их могилы оставались пустыми и неухоженными и вскоре заросли. Затем, три года назад, ты убил в своем подвале недостойного сына Ян Нанькэ. Когда запах разложения стал слишком явным, у тебя не было другого выбора, кроме как перенести его тело. Ты запаниковал. Ты не знал, где его похоронить. Внешний мир казался тебе странным и пугающим. Ты боялся, что, где бы ты его ни спрятал, его обнаружат. У тебя было только поле,

но на этом поле ты уже похоронил своих родителей. Похоронить Ян Нанкэ там было бы проявлением неуважения к ним.

Хоу Чэн начал неистово трясти головой.

— Нет! Это не так! Ты ошибаешься!

Не обращая на него внимания, Сяо Юань продолжил:

— Итак, где бы ты мог его похоронить? Где бы он остался не найденным? Ты вдруг вспомнил о захоронениях за пределами деревни Цинюэ. Ты подумал о защищенных могилах, которые не будут потревожены по крайней мере еще тридцать лет!

Хоу Чэн зарычал и хлопнул кулаком по столу для допросов.

— Люди в вашей деревне глубоко уважают мертвых. Похоронить свою жертву в старых могилах родителей было действительно безопасным шагом, — сказал Сяо Юань. — Теперь ты все еще веришь, что я не найду останки Ян Нанкэ?

— Что? — воскликнул Минг Шу. — Ян Нанкэ похоронен в первоначальной могиле родителей Хоу Чэна?

— Верно, — ответил Сяо Юань по телефону. — Я уже обсудил это с капитаном Хуа. Мы сейчас же отправим к вам оперативную группу. Как только они прибудут, оцепите место захоронения и обыщите могилы родителей Хоу Чэна.

Минг Шу глубоко вздохнул.

Открыть место захоронения в сельской деревне было делом не из легких. Именно поэтому Сяо Юань и Хуа Чонг решили послать специальную группу.

У Минг Шу были подобные подозрения, когда он впервые посетил те могилы на холмах, но поскольку деревенские чиновники повторяли свою мантру о том, что нельзя беспокоить мертвых, он оставил захоронения нетронутыми.

Теперь же Сяо Юань с полной уверенностью утверждал, что Ян Нанкэ похоронен в этих могилах.

Это означало, что они должны были открыть их. Несмотря ни на что.

Когда оперативная группа прибыла в деревню Цинюэ, была уже глубокая ночь. Услышав, что полиция будет вскрывать могилу на холме, почти все жители деревни собрались посмотреть. Несколько деревенских чиновников хотели протестовать и остановить полицию, но им неожиданно позвонил Хоу Цзяньцзюнь.

Хоу Цзяньцзюнь добрался до бюро в Луочэне, где и остался.

— Пусть открывают! Пусть раскопают! Если Хоу Чэн совершил преступление, нам нет нужды защищать его!

И вот, под руководством деревенских чиновников, всех жителей вывели за полицейскую ленту, установленную вокруг захоронения.

Хотя была глубокая ночь, на холме горели прожекторы, освещая его так же ярко, как солнце. Минг Шу стоял рядом и лично наблюдал, как вскрывают гробницу.

Два гроба покоились в земле бок о бок, вызывая у зрителей необъяснимый холод.

Как только могила была открыта, ответственный за ее вскрытие отошел в сторону, не желая иметь ничего общего с покоящимися внутри гробами.

Для любого обычного человека вскрытие могилы, которой несколько десятилетий, было чем-то, несомненно, неблагоприятным.

Минг Шу кивнул в сторону Фан Юаньхана, подзывая его ближе.

— Пойдем.

Первый гроб был открыт, и внутри ничего не оказалось. Он был абсолютно пуст.

Многие из окружающих полицейских были мрачны. Хотя они привыкли видеть свежие трупы, это был первый раз, когда они искали останки скелетов в таких старых гробах.

Крышка второго гроба также была медленно отодвинута. Внутри, как ни удивительно, оказался огромный полотняный мешок, покрытый старыми, засохшими пятнами крови.

Воздух наполнился запахом. Он был не слишком сильным, но ядовитым. Многие из окружающих офицеров поправили маски.

— Боже... мой! — Фан Юаньхан сглотнул. Он протянул руку в перчатке и схватил угол мешка.

Мешок был не очень тяжелым. Он мог поднять его одной рукой.

Когда судмедэксперты вскрыли матерчатый мешок, все наблюдавшие нахмурили брови.

Тело не успело окончательно разложиться. Мягкие ткани все еще прилипали к костям, как слой коричневой грязи.

— Это, должно быть, Ян Нанкэ, — сказал Фан Юаньхан, глядя на Минг Шу. — Это не может быть никто, кроме него, верно?

Минг Шу не ответил. Он повернулся к судмедэксперту и спросил:

— Вы можете определить причину смерти?

Судмедэксперт поднял сильно поврежденный череп. Через мгновение он сказал:

— Удар тупым предметом по голове.

В голове Минг Шу начала разворачиваться трагическая сцена. Три года назад Ян Нанкэ был в подвале дома Хоу Чэна, чем-то занятый. Хоу Чэн подошел из тени и бесшумно подкрался к незащитному Ян Нанкэ с оружием в руках.

Перед рассветом пришли результаты анализа крови, испачкавшей полотняный мешок. Кровь на мешке, как и человеческая кровь, обнаруженная в подвале Хоу Чэна, принадлежали Ян Нанкэ.

В это же время Ян Цзюньчэн и Ян Янь поспешили в Луочэн. Там их ждала груда холодных белых костей.

Как только он получил новости, Ян Цзюньчэн почти упал в обморок и разразился опустошенными рыданиями, которые эхом разнеслись по залам Бюро. Его причитания продолжались до тех пор, пока утреннее солнце не начало подниматься в небо.

— Кто убил моего сына?! — стонал Ян Цзюньчэн. — Почему? Почему?! Нанкэ! Мой сын! Отец подвел тебя!

Не в силах больше отрицать свою вину, Хоу Чэн прислушался к звукам горя Ян Цзюньчэна, отражающимся от стен. Затем он разразился чудовищным смехом.

Минг Шу лично сопровождал останки Ян Нанкэ обратно в Луочэн. Он не спал всю ночь и теперь с громким хлопком опустил ладонь на стол в комнате для допросов.

Смех резко прекратился.

Хоу Чэн на мгновение уставился на него выпученными глазами, затем медленно начал:

— Все верно. Я убил Сяо Лонга, потому что он заслуживал смерти! Кто ты такой, чтобы судить меня?

— Ты убил человека, — холодно заявил Минг Шу. — Ты совершил преступление. И ты думаешь, что сможешь избежать наказания по закону?

— Я никого не убивал! — закричал Хоу Чэн.

— Ты забыл? — огрызнулся Минг Шу. — Всего минуту назад ты сказал, что убил Сяо Лонга.

— Но я никого не убивал. Ни одного человека. Не человека, — взволнованно настаивал Хоу Чэн. — То, что я убил, был демон! То, за что я выступаю, это убийство демонов! Они носят человеческую кожу, но они давно, очень давно перестали быть людьми!

Глаза Минг Шу расширились. Задыхаясь, он выплюнул:

— Ты... ты наконец-то признался в этом! Ты использовал свои книги для пропаганды убийства! Чтобы подстрекать к насилию!

— Потому что есть люди, которые заслуживают смерти! Есть люди, которые должны умереть!
— Хоу Чэн внезапно поднял руку и указательным и средним пальцами показал на свои глаза. — Мои глаза яснее ваших. Я вижу больше, чем все вы, полицейские! Вы носите свою форму и делаете вид, что защищаете справедливость, но все, кого вы защищаете — демоны! Вы не наказываете тех, кто заслуживает наказания. Вы вступили в союз с монстрами, и вы все заслуживаете смерти!

Сяо Юань, скрестив руки, наблюдал за происходящим в комнате для допросов на мониторе снаружи.

Минг Шу оставался спокойным.

— Так ты считаешь, что Ян Нанкэ заслуживал смерти? Почему? Разве ты не убил его, чтобы обеспечить себе прикрытие? Это не было ради этой извращенной игры, в которую ты играл?

Руки Хоу Чэна уже были скованы наручниками.

Он снова и снова боролся с наручниками, отчего они звенели о стол.

— Ян Нанкэ был несправедлив, — сказал он. — Я помог его родителям избавиться от зла!

— Чушь! — прорычал Минг Шу.

В этот момент в приемной Бюро в Луочэн беловолосый Ян Цзюньчэн рыдал так сильно, что едва не потерял сознание. Рядом с ним беззвучно плакала Ян Янь.

А в далеком городе Лу у Хуан Ся случился приступ, она упала в обморок, как только узнала, что ее сына убили. Сейчас она находилась в больнице в критическом состоянии.

В течение трех лет с тех пор, как пропал Ян Нанкэ, семья Ян неустанно искала его. Даже когда полиция ничего не могла сделать, они не теряли надежды и искали его по-своему, всегда веря, что однажды их младший сын вернется.

Несмотря на то, что Ян Нанкэ был плохим сыном, они решили простить его.

Больше всего им хотелось, чтобы Ян Нанкэ снова предстал перед ними счастливым и здоровым. Даже если он продолжал заводить легкомысленные отношения, которые не продлились долго, даже если он продолжал ссориться с семьей.

А Хоу Чэн осмелился сказать, что убил Ян Нанкэ ради счастья его родителей?

Нелепость!

Минг Шу не мог не думать о Лу Куне.

Убив двух детей, Лу Кунь также заявил, что они заслуживают смерти. Он утверждал, что избавляется от этих неприятных существ, делая одолжение миру.

Но даже если эти дети и совершили какое-то преступление, их не должен был наказывать нож Лу Куня.

Даже если Ян Нанкэ вел себя несправедливо, Хоу Чэн не имел права наказывать его.

Эти люди, исповедующие философию "некоторые люди заслуживают смерти", действительно были совершенно не в своем уме.

В безумном, восторженном состоянии Хоу Чэн начал подробно рассказывать, как именно он убил Ян Нанкэ.

Три года назад Хоу Чэн возвращался в деревню Цинюэ из соседнего города, когда его

остановил Ян Нанкэ, молодой человек с рюкзаком путешественника.

— Дядя, не подбросите ли вы меня?

Хоу Чэн не любил общаться с людьми, но Ян Нанкэ настоял на том, чтобы забраться в его педикэб.

По дороге Ян Нанкэ непрерывно рассказывал о своем опыте путешествия из города у северной границы на юг страны. Он продолжал и продолжал, как будто они с Хоу Чэном уже были хорошими друзьями.

Хоу Чэн спросил:

— Ты такой молодой, а уже перестал работать?

— К черту работу, — презрительно бросил Ян Нанкэ. — Я единственный сын в своей семье, а моя старшая сестра уже замужем. Родители купили мне квартиру, а сестра и ее муж помогают выплачивать ипотеку. У меня все готово, и рано или поздно дом моих родителей тоже станет моим. Работа слишком утомительна. Почему бы мне не путешествовать по стране и не увидеть эти прекрасные достопримечательности? Я буду путешествовать, пока у меня не закончатся деньги, а потом вернусь домой и отдохну.

Хоу Чэн затормозил, повернувшись, чтобы посмотреть на Ян Нанкэ.

Ян Нанкэ был сильно потрясен внезапной остановкой, он покачнулся вперед и едва не ударился головой о стальную раму педикэба.

— Дядя, — рассмеялся он полушутя, полусерьезно, — ты пытаешься меня разыграть?

В груди Хоу Чэна поднялась лютая ненависть.

Он не был похож на Ян Нанкэ, чьи родители были живы и здоровы. Хоу Чэн потерял обоих родителей, когда был еще ребенком.

Он родился в деревне Цинюэ и прожил одиннадцать лет со своим отцом Хоу Цзянфэном и матерью Сюй Хун.

В те времена Хоу Чэн не был антисоциальным ребенком. Он просто был несколько замкнутым. Вместо того чтобы играть с другими детьми своего возраста, он предпочитал выходить в поле и помогать родителям в работе.

Все старейшины деревни говорили, что мальчик слишком привязчив, как девочка.

Когда Хоу Чэну было одиннадцать лет, в деревне наступило дождливое лето. Ливень не прекращался, и поля были сильно затоплены, что погубило весь урожай того года. Каждая семья едва могла продержаться до следующего года.

Хоу Цзянфэн тогда сказал Сюй Хун, что отправка маленького Чэна в школу будет стоить много денег, поэтому он решил отправиться искать работу в соседний город, а Сюй Хун должна была остаться дома, чтобы хорошо заботиться о ребенке.

Но Сюй Хун настояла на том, чтобы проводить Хоу Цзянфэна. Они вместе сели в микроавтобус и по дороге столкнулись с оползнем, который полностью похоронил автобус со всеми находившимися в нем людьми. К моменту прибытия спасательной команды Хоу Цзянфэн и Сюй Хун скончались.

Хоу Чэн остался сиротой. Он продолжал жить на государственное пособие в старом доме, обрабатывая доставшиеся ему в наследство дынные поля. Больше всего он сожалел о том, что вырос в одиночестве и не имел возможности заботиться о своих родителях в их старости.

Более десяти лет назад он выкопал Хоу Цзянфэна и Сюй Хун и похоронил их на своем арбузном поле. Таким образом, он мог представить, что каждый выросший арбуз — это благословение, посланное ему родителями.

Больше всего он презирал тех детей, которые не знали, какая у них хорошая и счастливая жизнь.

Прямо как Ян Нанкэ.

<http://bllate.org/book/14859/1321893>